

Ирина
НЕКИПЕЛОВА

Всё
понятно

Ирина Некипелова

Всё понятно

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Некипелова И.

Всё понятно / И. Некипелова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Эта книга не о прошлом и не о будущем, не об этом мире и не о потустороннем, не о реальном и не о вымышленном – эта книга о людях, ищущих счастье и себя в этой жизни. Её герои не просто дворники и моряки, не просто психологи и экскурсоводы – они прежде всего люди, остро нуждающиеся в ощущении счастья и полноты бытия, проживающие жизнь в поисках её смысла и иногда находящие его, обретающие понимание жизни порой через понимание смерти. Всех их объединяет искренняя потребность быть и чувствовать себя счастливыми.

© Некипелова И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ВСЁ ПОНЯТНО	5
ЗАКОН ЖИЗНИ	7
СОБРАНИЕ	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	11
СТАРЫЙ ПЁС	11
НОЧНЫЕ ЗВОНКИ	13
БОГ ПО ВЫЗОВУ	15
ЧЕЛОВЕК В ОКЕАНЕ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ирина Некипелова

ВСЁ ПОНЯТНО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сарказм – это естественная защитная реакция психики против тупизны окружающих.

Чарльз Буковски

ВСЁ ПОНЯТНО ИЛИ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Для того чтобы мысль преобразила мир, нужно, чтобы она сначала преобразила жизнь своего творца.

Альбер Камю

В детстве всё было предельно просто, потому что всё было понятно. Мир делился на добро и зло, и поэтому все в нём были либо хорошими и добрыми, либо плохими и злыми. Например, папа был хорошим, потому что строил загородный дом и покупал ей игрушки. А вот дядя Толя со второго этажа был, несомненно, плохим, потому что пил водку. Однако позже она поняла, что мир – это не чёрное и белое, а множество серого, и привычная картина мира начала рушиться. Оказалось, что папа, вроде бы такой хороший и добрый, строит дом не для неё с мамой, а для своей новой любовницы. Дядя Толя же, напротив, хоть и пьёт по-чёрному, но имеет для этого повод весьма убедительный – смерть жены. Мир перестал быть однозначным, а люди – делиться на абсолютно добрых и абсолютно злых, однозначно хороших и однозначно плохих. Теперь они стали просто людьми, самыми обычными, ежедневными. И Вика долго не могла понять, что же она чувствует на самом деле к ним ко всем вместе и к каждому из них в отдельности.

В период, когда сверстники стали значить больше, чем родители, измерять мир стало удобно иными категориями. Теперь всё стало нормальным, то есть разделяемым абсолютным большинством, и ненормальным – непринимаемым им. Пить и курить, плевать под ноги раньше было плохо, а теперь стало нормально, потому что так делают все. Нет, она, конечно, понимала, что нормально – не всегда хорошо, и не делала всего того, что делали другие, однако и не сопротивлялась этому. В конце концов, быть иной – в глазах общества преступление едва ли не большее, чем сопротивление системе.

А все были патриотами – ярыми, слепыми и категоричными. И она, подчиняясь общему волнению, тоже преисполнилась желанием стать патриоткой. Ходить на демонстрации, рисовать плакаты, разоблачать коррупционеров и восстанавливать справедливость. Устраивать революции, в конце концов. Вопреки всему, даже здравому смыслу.

И всё-таки здравый смысл и слёзы матери одержали верх – Вика поступила в университет и начала постигать другой мир, с буйным восторгом открывшийся перед ней. Теперь центральное место в её жизни стала занимать идея. Она захотела изменить мир, устроить глобальную революцию и заставить всех людей понять, что всё, что им нужно, – это любовь! Однако мир упорно сопротивлялся. Равнодушные молодые люди занимались бизнесом и спортом, длинноногие ледяные девушки таскались по ночным клубам в поисках молодых людей, которые

занимаются бизнесом и спортом, чтобы стать их любовницами, а если повезёт, то и жёнами. И никто, совершенно никто не разделял её идею о всемирной любви, способной принести всем людям на планете мир и покой. Именно поэтому любовь никак не наступала, а мир продолжали раздирать кровопролитные войны.

Да, до университета всё было понятно. Есть она, есть родители, есть друзья и знакомые, есть люди плохо знакомые и незнакомые вовсе. В университете всё изменилось, оказалось, что родители – это чужие друг другу люди, друзья – не больше, чем плохие знакомые, а совсем незнакомые люди иногда больше, чем друзья. После университета перестало быть понятным всё. Друзья стали незнакомыми, сослуживцы – врагами, а незнакомые – оппозиционерами. Вика совсем запуталась. Иногда, сидя дома, в своей комнате, совсем без света, и глядя на светлых, спящих туда-сюда прохожих, чьи тени за окном безропотно ложились на ночные тротуары, она думала: кто они? кто она? и существуют ли все они реально или это всё блажь, обман сознания и массовый психоз?

Отчаявшись разобраться во всём и окончательно разочаровавшись в людях, она зависала во времени и пространстве, не зная, что же теперь делать со своей бесхозной жизнью. Идеи, одна бредовее другой, посещали её с завидным постоянством, и, разрываясь между ними, она пыталась то записаться в ополчение МЧС, то вступить в ряды армии, чтобы своим примером показать, что значит настоящий поступок борца за справедливость, то сбежать из дома и стать снайпером в какой-нибудь горячей точке. Наконец, решение было принято: отказаться от благодарного мира, стать отшельником и навсегда забыть о существовании человечества – отныне её единственно возможная дорога. А революция – подождёт. И она начала собираться в путь. Но в тот самый момент, когда она, преисполнившись решимости навсегда распрощаться с родным домом, хорошо знакомым городом, привычным ей миром, его правилами и законами, пришла на вокзал, с одним рюкзаком, в спортивных штанах и чёрт знает где откопанной драной джинсовке, и встала, подняв голову, перед табло, чтобы найти свой рейс, на неё в нерешительной задумчивости налетел, поглощённый своими мыслями, её будущий супруг, только что проводивший поезд, уносящий его неверную, но очаровательную пассию покорять гордую и неприступную столицу. Они встретились глазами, и все её планы на побег, революцию и отстрел злодеев разлетелись, как карточный домик. Революция, её внутренняя революция, закончилась оглушительным поражением. Вика была разгромлена, бездарно проиграв самой же себе и поняв, что она – такая же, как все, кто ищет в мире не сам мир, а лишь того, кто захочет разделить с ним его локально-субъективное мнение об этом мире. Зато всё снова стало понятно. Понятно и просто. Пришла любовь. А мир во всём мире остался в прошлом.

Свадьба Вики и Алексея прошла без эксцессов, и они зажили самой обычной жизнью самой обычной современной молодой семьи. Потом пошли дети. И с этого момента мир, представлявший собой одну глобальную проблему, рассыпался на множество мелких проблем и забот: надо было встать утром пораньше, чтобы, тихо прокравшись на кухню, успеть приготовить мужу и детям завтрак, затем всех разбудить, собрать кого на работу, а кого – в сад, собраться самой, договориться с мужем о том, кто сегодня закинет двоих отпрысков к бабушке, не опоздать на работу, не попасть под строгий взгляд начальства, забрать вечером детей из сада домой, приготовить ужин, всех накормить, постирать, погладить мужу на завтра свежую рубашку, выпить на ночь таблетки (детей уже вполне хватало), поцеловать всех на сон грядущий и совершенно разбитой завалиться спать в упорной надежде на то, что муж потерпит со всеми своими интимными делами до субботы. И так каждый день. Исключая воскресенье. Но и воскресенье не приносило облегчения.

Наступило очередное будничное утро. Вика стояла посреди комнаты и смотрела, как её растерянный муж в недоумении бродит по квартире в поисках носков, которые он куда-то сунул накануне, и понимала, что найти носки – это и есть самая глобальная проблема самой обычной человеческой жизни.

ЗАКОН ЖИЗНИ

Наряду с землей, водой, воздухом и огнём – деньги суть пятая стихия, с которой человеку чаще всего приходится считаться.

Иосиф Бродский

Юная экскурсовод была прекрасна в своём доставшемся ей от светловолосой и белокожей бабушки русском языке.

– А сейчас я хочу рассказать вам о полотне, которое расположено на стене прямо перед вами. На картине вы видите безукоризненной красоты женщину с печатью трагедии на лице.

Девушка огляделась. Перед ней стояла разноликая русскоязычная публика. Плотные женщины перезрелого возраста о чём-то шумно переговаривались, указывая жирными короткими пальцами с массивными кольцами на картину, о которой шла речь. Матовые изумруды и глубокие, как морское дно, тёмные сапфиры, неуместные этим ранним утром, мягко искрились в лучах выпрыгивающего из высоких окон солнца. По всему было видно, что экскурсия, на которую присутствующие попали в столь ранний час, волнует их мало. Гулкие голоса нервно перекачивались по залу, отскакивая от стен, и в создаваемом хаосе наталкивались друг на друга.

– Наверное, вы уже заметили, что эта женщина похожа на молодую прекрасную брюнетку с картины Карла Брюллова «Всадница».

Расчёт был верным: об упомянутой экскурсоводом картине знали все русские, даже те, кто до этого ни разу не посетил ни один музей. Женщины активно зашевелились, отрываясь от волнительных разговоров о вчерашнем банкете.

– Да, это именно она, – экскурсовод сделала небольшую паузу и окинула взглядом довольно просторный зал закрытого частного музея, размещённого в доме, некогда принадлежавшем самой богатой русской женщине, эмигрировавшей в Америку в конце беспокойного девятнадцатого века.

Подождав, когда бурное обсуждение картины немного утихнет, она продолжила:

– Вы помните, что в последние годы первого пребывания в Италии Брюллов написал свою знаменитую «Всадницу», грациозно сидящую на великолепном скакуне. Уверенная ловкость амазонки вызывает неподдельное восхищение. Скромную воспитанницу графини Юлии Павловны Самойловой – Джованину, художник осмелился изобразить так, как до него на картинах изображали только титулованных особ.

Экскурсовод практически безучастно цитировала текст из путеводителя по музею, который, как Катехизис, она знала наизусть.

– Современные искусствоведы приписывают ей замужество с богатым французским дворянином. Однако муж её, видимо, был не так уж и богат, поскольку после заключения брака Джованина устроила тяжбу за своё наследство, куда была вовлечена ею и Самойлова, которая за всё время воспитания девушки так и официально её не удочерила. Тем не менее...

Скрежет мебели о пол прервал её речь. Женщина, крупная, высокая, с красным отёкшим лицом, мощными руками и толстыми ногами, в чём-то вычурно броском и режущем глаз, схватившись за спинку изящного антикварного стула, тащила его по полу через весь зал, чтобы загрузить на него своё давно потерявшее человеческие формы тело. Дотавив стул до толпы товаров, она грузно уселась на изысканную вещь. Стул скрипнул.

Девушка поморщилась. Ох уж эти русские туристки! Никакого уважения к произведениям искусства! Бросить бы всё и уйти отсюда. Убежать от этих дурно пахнущих, несвежих

женщин, сесть в автобус и уехать на Смитсоnian стрит,¹ где, сняв туфли, можно идти по тёплому асфальту просто так, босиком...

Но работа есть работа. И она, поджав губы, продолжила:

– Эта картина менее известна, чем блистательная «Всадница». Здесь Джованина изображена уже не юной девушкой, а зрелой женщиной, и не Брюлловым, а неизвестным американским художником. Портрет этот был сделан через несколько лет после переезда воспитанницы Самойловой в Америку в поисках богатого жениха, когда прелесть и свежесть красавицы начали уже увядать.

Стул снова закрипел: женщина поменяла позу. Теперь она уселась, закинув ногу на ногу и облокотившись о резную спинку стула. Было понятно, что женщина видит себя властной и очень даже эффектной. Этой вычурной позой она, видимо, рассчитывала поразить всех своей мнимой красотой и изяществом, но получилось совсем не бонтонно, как она рассчитывала, а не по-хорошему смешно и сильно вульгарно. Край юбки застрял у женщины между ног, открывая нелюбезный вид целлюлита на мощной ляжке. Лишённая упругости от возраста и невоздержанности в еде кожа рук складками свисала со спинки стула. Жирное, с обвисшими брылами лицо, отяжелённое неуместным вечерним макияжем, лоснилось в ярком оконном свете.

Создавалось ощущение, что женщине трудно передвигаться, и именно поэтому она так усердно старается занять удобное место. Массивные бриллианты, слишком рано надетые этой несвежей дамой с целью демонстрации её социального величия и невоздержанного богатства, казалось, тянули её к полу, так, что можно было подумать, что двигаться она не в состоянии исключительно из-за тяжести ювелирных изделий, инкрустированных великолепными камнями.

Экскурсовода, чья русская бабушка на старой полузатёртой фотографии поражала всех нежной славянской красотой и безупречным станом, слегка замутило. Она отвернулась, чтобы не видеть этого безобразного зрелища.

– Больше портретов Джованины не сохранилось, поэтому проследить её дальнейшую судьбу не представляется возможным. Однако известно, что она умерла в возрасте сорока восьми лет в нищете, так и не найдя достойной кандидатуры для замужества. Виной всему было сформировавшееся тогда в американском обществе мировоззрение, которое в мире получило название «американская мечта». Не имея достойного приданого, красавица оказалась никому не нужна.

– Ну, это основной закон жизни, – теперь грузная дама, перебравшись из центра зала к стене, подальше от яркого солнечного света, лившегося из окна и нещадно выдававшего истинный возраст присутствующих, развалилась на антикварной мебели XVIII века, широко расставив, как мужик, ноги с толстыми ляжками.

Что ж... За те деньги, что лежали на банковском счету этой дамы, она могла позволить себе сидеть даже на не имевшем цены королевском диване Людовика XVI.

¹ Smithsonian Street – улица в Вашингтоне, на которой расположены все крупнейшие музеи города.

СОБРАНИЕ

*Человек борется, чтобы найти жизнь вне себя, не осознавая, что та жизнь, которую он ищет, находится внутри него.
Джебран Халиль Джебран*

– Сегодня мы начинаем наше собрание... – вяло начал вещать со сцены ведущий весьма немолодого и довольно помятого вида.

– Микрофон! Микрофон! – раздался из зала раздражённый голос.

– Микрофон! – выпрыгнул с места сухой лысенький старичок.

Бойкий молодой человек в сильно облегающих штанишках, немного не доходящих до лодыжек, взбежал на сцену, обрамлённую с обеих сторон грязно-бордовым огромным пыльным занавесом, бывшим когда-то вполне приличным и даже поначалу блестящим, и сунул в трясущиеся руки ведущего новенький сияющий микрофон. Дрожащими от старости и продолжительных неврозоз руками тот взял микрофон, повертел его, потом нажал кнопку и, выждав немного, повторил ещё раз:

– Сегодня мы начинаем наше собрание...

Зал немного расслабился, кое-кто из совсем неугомонных начал вертеть головой, высивая знакомых, женщины завели, как и полагается на таких мероприятиях, лишённые всякой информативности разговоры...

«Ну что, началось...» – пронеслось в голове не очень молодого человека, со скучающим видом занявшего позицию на двадцать третьем месте шестнадцатого ряда. Внизу блеснули лысыми мастодонты техники и технологии, слегка разбавленные представительницами некогда прекрасного пола. Мягкие пиджаки перемежались с безвкусными кофточками, потасканные портфели – с дешёвыми сумками. Над залом тяжёлыми клубами повис смрад из смеси купленного на китайском рынке мужского и женского парфюма, жирных помад, давно нестиранной одежды и потасканной обуви. Скучающий немолодой человек осмотрелся, затем достал из портфеля книгу и, устроившись настолько удобно, насколько позволяла сложившаяся ситуация, погрузился в чтение.

«С тех пор как понятие прогресса было полностью дискредитировано, никто не осмеливался поставить вопрос о том, что же представляет собой история человечества в целом».²

– ... избрать совет предприятия, – неожиданно закончил свою речь ведущий, и на сцене повисла тяжёлая пауза. Нарастающий гул зала оборвался. Все замерли в ожидании.

Ведущий пошамкал губами, будто над чем-то раздумывая, и продолжил:

– Есть предложение проголосовать.

В зале взвились жёлтые мандаты.

«Полное сумасшествие...» – прокомментировал про себя ситуацию человек с книгой.

– Кто «за»? Кто «против»? Единогласно, – пробубнил ведущий без всяких пауз, словно бормотал речитатив.

Зал зашуршал. Стало понятно, что мероприятие будет долгим, и присутствующие начали устраиваться в креслах со скользкими сиденьями под затёртыми лоснящимися накидками. Дело серьёзное – собрание затянется.

² Назаретян А.П. «Нелинейное будущее». М., 2013.

«Идея прогресса безнравственна, поскольку лишает все предыдущие поколения самооценности, представляя их только ступенями к конечной цели, а неведомое поколение счастливых – вампирами, пирующими на могилах предков».

– В двух тысяч тринадцатом году... – снова заскрежетал на сцене ведущий. Присутствующие начали доставать телефоны и планшеты и погружаться в глубины ада – обиталище всемогущего и захватывающего своими возможностями дух Интернета. Сам Сатана, казалось, загружая страницы, ставит силки и отлавливает, смущая, то, что когда-то звалось душой.

Ведущий уступил место директору предприятия. Преисполненный чувства собственной значимости директор набрал воздух в лёгкие и громогласно, чеканя каждое слово, провозгласил:

– В этом новом году надо рассмотреть вопросы, рассмотренные на рассмотрении комиссии, собравшейся для рассмотрения вопросов, выдвинутых на рассмотрение.

Слова директора, отчётливые и внятные, раздавались со сцены, отскакивали от стен и пола и со всей своей убедительностью проникали в тяжёлые от раздумий о наживе умы людей.

«Чем примитивнее культуры и чем менее существенно различие между ними, тем выше чувствительность к минимальным различиям, способная возбудить взаимную ненависть».

– Есть предложение проголосовать.

В зале опять взлетели дружные мандаты.

– Кто «за»? Кто «против»? Единогласно, – трясущейся рукой ведущий что-то отметил в бумагах.

«Могла ли история развиваться иначе, и если да, то в какой мере?»

– Есть предложение проголосовать.

Взлетели мандаты.

– Кто «за»? Кто «против»? Единогласно.

«Даже планетарные катастрофы в истории биосферы становились творческим импульсом для качественного развития жизни».

– Есть предложение проголосовать.

Мандаты.

– Единогласно.

«Освобождённая энергия атомного ядра многое поставила под сомнение, в том числе и наш образ мыслей. Если человек так и не сможет думать по-новому, мы неизбежно будем двигаться навстречу беспрецедентной катастрофе».

Женщины трепались, мужчины сидели, широко расставив безвольные ноги и скрестив руки на бесформенных животах, кое-кто уже спал. Им было всё равно, что происходит на сцене. Жизнь шла своим чередом. А мандаты всё чаще и чаще взлетали кверху, ознаменовывая собой принятие важных решений и начало новой жизни, ведущей к светлому будущему и чисто гипотетическому прогрессу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мы все когда-нибудь умрём. Но важно продержаться до конца, во что-то веря. В этом самая большая трудность, потому что, кажется, нет ни черта такого, во что действительно стоило бы верить.

Курт Воннегут

СТАРЫЙ ПЁС

Все мы немного у жизни в гостях.

Анна Ахматова

Мальчик уже не плакал. Всё слёзы он выплакал вчера, когда нашёл большого чёрного лабрадора мёртвым. Остывший труп собаки лежал у дверей загородного дома, купленного родителями мальчика два года тому назад, когда тому едва исполнилось пять.

Лабрадор был очень старым и очень добрым. Он прибил к приезжим, как только те заехали в новый, пахнувший свежим деревом двухэтажный дом. Тогда мальчик не знал, как это – быть хозяином, и поэтому все разговоры родителей об умершем старике, сносе стоящего на краю купленного ими земельного участка ветхого дома и постройке нового пропускал мимо ушей. Всё, что его интересовало тогда, – это огромный, чёрный, как уголь, пёс, лежавший на ступенях старого флигеля и равнодушно смотревший на входящих в здание и выходящих из него людей – молодую женщину, высокого улыбающегося мужчину и светловолосого мальчика.

Новые люди казались ему совсем молодыми – от них шёл запах безудержно источаемой энергии. Но мальчик! Мальчик был совсем иным. Его энергия была тягучей и тёплой, она обволакивала тело ребёнка, и казалось, что вся она была направлена на создание невидимой защиты от какой-то неизвестной пока ещё никому опасности. Около мальчика было всегда тепло и спокойно, поэтому пёс, едва перебирая уставшими от жизни лапами, везде следовал за ним.

– А с этим что будем делать? – кивнув в сторону пса, спросил однажды папа. И посмотрел на собаку так, будто видит её впервые.

– Не знаю... – растерянно ответила мама.

И на этом разговор прекратился. Задумавшись ровно на две секунды, папа остановился, потёр лоб правой рукой в попытке принять единственно верное решение, но не смог этого сделать и предпочёл просто забыть о псе и более не думать о нём.

Да и нечего тут было думать. Пёс остался. Он был очень стар и не ушёл бы, даже если бы его прогнали. Идти ему было некуда.

Мальчик был одинок, и пёс чувствовал это. Родители мальчика были постоянно заняты друг другом, работой и новым домом. Конечно, они очень любили своего единственного сына, но темп жизни диктовал ей невыносимую скорость и порождал ненужную суету в ней. Успеть надо было многое, а времени на всё катастрофически не хватало. Иногда папа и мама заговаривали о втором ребёнке, что-то обсуждали, но неизменно, в конце концов, приходили к мысли о том, что нет, не сейчас, однозначно не сейчас, когда-нибудь потом. И успокаивались.

Соседских детей было мало, а те, кто был, не принимали к себе в игры странного для этой разухабистой местности молчаливого городского мальчика со светлыми волосами и огромными синими глазами. Часто бывало так, что он стоял в стороне, наблюдая за подвижными играми деревенской ребятни, но при этом не выказывал ни малейшего желания присоединиться к ним.

Пёс тоже был одинок, и мальчик тоже чувствовал это. Немного посмотрев на то, как развлекаются соседские дети, он гладил старого пса по широкому лбу и уходил. Пёс плёлся за ним. На берегу реки мальчик останавливался, садился на землю, открывал книгу и погружался в невиданные миры, недоступные псу, который, как только мальчик устраивался на траве, грузно ложился рядом и клал тяжёлую морду себе на лапы или на колени маленькому хозяину.

Так, незаметно для них обоих, у пса появился хозяин, а у мальчика – большой лохматый друг. Иногда, читая книгу, мальчик плакал, и тогда пёс поднимал голову и внимательно смотрел на него, как будто удивлялся такой необычной реакции, ведь когда мальчик смотрел на него, то никогда не плакал и даже, напротив, иногда улыбался.

Но вчера вечером большой чёрный лабрадор умер. К утру его тело совсем окоченело и застыло, охваченное вечным покоем. Мальчик мучительно плакал. Папа долго ходил кругами по террасе, а потом сел рядом с ним и взял его за руку. Он рассказал сыну о том, что у каждого из них, и даже у этого лохматого пса, есть душа, что душа эта вечная и что, когда тело умирает, она возвращается туда, откуда когда-то пришла. Рассказал он и о том, что душа этого пса сейчас непременно летит к Богу, доброму и хорошему, готовому взять её в свои большие тёплые руки. А мальчик, отчаянно схватившись за руку отца, удивлялся, сколько всего тот знает. А ещё он удивлялся тому, что его отец считает Бога добрым и хорошим, хотя тот убивает собак. Позже он много думал о том, что узнал в тот день. Думал, но ничего не спрашивал – у папы и без него было много забот.

После завтрака отец принёс большую тряпку из дома и завернул в неё остывшего лабрадора. Затем все они – папа, мама и сам мальчик – пошли далеко в сад, где высоко в небе раскачивались верхушки гуттаперчевых, умеющих разговаривать, немолодых, но всё ещё стройных осин. Папа нёс на руках собаку, мама одной рукой держала за руку мальчика, а другой скорбно прикрывала рот. Все молчали.

В конце сада открывался вид на реку. Здесь папа остановился и положил труп на траву.

– Хорошо, что сейчас лето, – задумчиво произнёс он.

– Да, хорошо... – как-то безучастно согласилась мама.

Затем папа принялся копать яму, предназначенную стать могилой умершему животному. Гибкие и пугливые осины звенели ажурными волнистыми листьями, пытаясь разбудить небо, чтобы оно, такое глубокое и бездонное, приютило в своём чреве ещё одну уставшую душу.

Но вот яма была выкопана, и папа положил туда собаку. Когда земля покрыла тело пса, мальчик понял, что дороги обратно не будет и что больше никогда он не увидит своего лохматого друга. Осинный речитатив будоражил непокорную воду, отражавшуюся в небе, лёгкие случайные облака скользили над строптивой рекой, осторожный ветер пугливо ощупывал стволы и ветви деревьев, тени от которых большими крыльями ложились на землю.

Наконец, мужчина положил лопату и сел рядом с женой и сыном на траву. Разговаривать ни о чём не хотелось. Каждый из них думал о том, что тишина – знак вечности. Суэта отступает перед смертью, и, может быть, впервые эти молодые люди, хоронившие сейчас старую чужую собаку, почувствовали, как время остановилось, а потом рывком скакнуло вперёд. И понеслось, отсчитывая мгновения их незаметно уходящей жизни.

Теперь мальчик не плакал. Теперь он всё понимал. Он понимал, что в жизни есть смерть, и что все когда-нибудь умрут. И даже он. Но сначала умрут все те, кого он любит.

НОЧНЫЕ ЗВОНКИ

Для Бога мёртвых нет.
Анна Ахматова

*Во всё виновата ночь. И страхи ночи. Дневной страх разумен,
ночной – не имеет границ!*
Эрих Мария Ремарк

Ночные звонки не предвещают ничего хорошего...

Сначала всё кажется случайным. Случайно в глубине ночи раздаётся звонок... По какой-то странной случайности какие-то чужие люди набирают цифры твоего телефона и будят тебя ночью, чтобы сказать, что... Сложно уснуть. То, что было узнано этой ночью, навсегда будет сохранено в закоулках памяти, на задворках сознания, но ты пока об этом не знаешь, потому что искренне веришь – это не с тобой.

Однако потом, однажды, ты понимаешь: всё закономерно. И начинаешь привыкать. Ужас одной ночи сменяется равнодушным ожиданием другой. Время от последнего звонка до следующего – очередного в цепи закономерных случайностей, растягивается жгутом, а потом схлопывается, и ты остаёшься один на один с жутким, наводящим ужас гостем. Твоя жизнь – это ряд бесконечностей между несколькими ночными звонками. И всё становится неважным, кроме того, что ты здесь и нигде больше быть не можешь.

Ночные звонки случаются редко, но с каждым таким звонком ты теряешь часть своей жизни. Она утекает сквозь пальцы и испаряется, а ты даже не понимаешь, что именно было потеряно. И вот ты закрываешь глаза, лежишь и слушаешь тишину. Воздух звенит от напряжения мысли. А ты лежишь и боишься очнуться – вдруг всё кажется: ночь кажется, дыхание кажется, жизнь кажется... Но если жизнь кажется, значит, смерть тоже кажется? Но нет! Ты попал в логическую западню, ведь жизнь кажется, а смерть, увы, нет.

Ночные звонки заставляют проснуться, и проснуться не только ночью – они заставляют проснуться по жизни. Жизнь начинает делиться на *ночь* и *не-ночь*. Ночью огромные хищные птицы влетают к тебе в комнату и смотрят тебе в глаза, проверяя, настоящий ли ты. А ты и сам не знаешь, настоящий ты или нет. И никто не знает. А птицы всё не улетают, время эфиром застревает в пространстве, и кажется, что это навсегда, что будет только эфир и только птицы в нём, и что это – самое что ни на есть действительное настоящее. Но потом наступает утро и первые лучи солнца, похожие на мечи убийц-кочевников, прогоняют навязчивых птиц. Однако птицы вернуться, вернуться, как только наступит ночь. Утро не приносит облегчения, день не даёт забвения, вечер не предлагает ответы. И только махровая ночь знает всё и поглощает тебя, принимая в свою мистическую жизнь.

Ночные звонки напоминают твоей душе, о том, что она бессмертна. Но душа любит эту жизнь и не помнит ту, другую, из которой её когда-то выдернули. Она хочет остаться здесь, однако ночью опять прилетают тёмные птицы и смотрят тебе в глаза, проверяя, готов ли ты. Их зрачки напоминают планеты, они завораживают тебя – ты ещё не готов. Сегодня птицы улетят без тебя. Но не обманывай себя: их терпение бесконечно, они будут прилетать и улетать, снова прилетать и снова улетать – они дождутся тебя.

Посреди ночи раздался звонок телефона. Хикари встала, продираясь сквозь сон, и взяла трубку. Немолодой женский голос глухо, как из колодца, спросил:

– Я могу поговорить с Симидзу Хикари?

– Да, это я. Слушаю вас.

– *Извините, пожалуйста, за столь поздний звонок. Вас беспокоят из центральной городской больницы.*

– *Что-то случилось?*

– *К сожалению, да. Сегодня в полночь ваш отец был доставлен в кардиологическое отделение и через два часа скончался. Врачи сделали, что могли. Примите наши глубокие соболезнования.*

Тишина. Да, конечно, отец был уже очень стар, да и она совсем немолода, но даже в таком возрасте терять близких людей безумно больно.

– *Когда я могу забрать тело?*

– *Подъезжайте утром, всё будет уже готово.*

– *Хорошо...*

– *Будем вас ждать, – женщина в телефоне отключилась.*

Хикари села за стол, одной рукой подперев упавшую голову, а другой всё ещё держа телефон, из которого слышались равномерные гудки.

Зрачки-планеты завораживают тебя. Эфир растекается в пространстве, он душит тебя, ты просыпаешься...

А тебя и нет. Всё приснилось.

БОГ ПО ВЫЗОВУ

Как это приятно – ничего не чувствовать и всё же считаться живым.
Курт Воннегут

Здесь, под высокими потолками, гуляло солнце, окрашенное в синие, красные и зелёные цвета от устремлённых в небо витражей. Оно было винным, тяжёлым, маслянистым и благоухало крыльями ангелов. Оно было светом. А там, внизу, было темно и дымно от скупых свеч. Свет не проникал туда. Однако темно там было не от отсутствия света; темно там было от присутствия тьмы – душ и тел тех, кто медленно передвигался по выложенному пестрым кафелем полу от иконы к иконе, зажигал купленные по бросовой цене свечи и суетливо крестился перед тем, как воткнуть их, уже зажжёнными, в свободное гнездо канунного стола, непременно стоящего перед каждой иконой.

Здесь недостижимое, неуловимое, невыносимое солнце слепило глаза и бросало вызов своей безупречностью. От жаркого света, растянувшегося высоко над головой, тошнило и выворачивало наизнанку. А там, в темноте, было прохладно и уютно. Пугливыми тенями скользили по кафелю прихожане, притаившие свои жалкие, алкающие земных благ души, чтобы распаковать их перед образами в очередной мелкой просьбе к богу.

Люди просили хорошей жизни и здоровья – себе и близким, несчастий и смерти – врагам, они просили денег, машин, квартир, низких цен на хлеб и мясо, свободных мест на кладбище... Они осуждали соседей, коллег, правительство... Зажигали свечи, шептали слова заученных молитв. Их голоса глухо шелестели, опускаясь всё ниже, к самому полу, и замолкали, едва достигнув его. Кто-то хотел прощения, кто-то успокоения, кто-то забвения. Никто не хотел одиночества. И все пытались избежать смерти. Откупиться от неё, вымолить себе вечную жизнь. Несчастные люди... Разве не знали они, что нет места на земле, куда не проникает смерть? Она везде и всегда. Она владычица и госпожа.

Люди просили и плакали. Их души изнывали от желаний, и, уже не вникая в суть молитв, прихожане торопливо, словно боясь забыть или не успеть известить бога о том, что они хотят, повторяли снова и снова заученные когда-то в детстве слова.

Молитвами они призывали бога. Свечи, зажжённые ими, плавилась и догорали, на их место ставились другие, и те тоже плавилась и тоже догорали, исчезая в небытии. От этих мнимых трансляторов людских желаний уходили вверх тонкие струйки чёрной копоти, но до купола они не долетали – растворялись где-то на границе света и тьмы, в полумраке, там, где заканчивался поток человеческих мыслей и начиналась пустота.

Бог никого не слышал. А люди просили и надеялись быть услышанными. Все просили – никто не благодарил. Они приходили и уходили, крестились, повторяли слова молитв, снова крестились и снова просили – себе, за себя, для себя...

Спиной к низкому мутному окну стоял Николай Угодник, закопчённый, лоснящийся от масла и блёклый от скользящих по нему людских взглядов. Перед ним, бессильно засунув руки в карманы длинного чёрного пальто, остановился немолодой мужчина. Он не зажёл свечи, не поднял лица к свету – просто закрыл глаза. Казалось, он не дышит, казалось, что жизнь в его груди замерла и остановилась. И весь он обратился в камень. Но только мысли делали его живым, и, извергая их из себя, он, умирая, никак не мог умереть. Звука его голоса не было слышно, но мысли его, поднимаясь вверх, становились плотными и обретали форму.

– Спасибо Тебе. Спасибо Тебе за всё, – исторгнутая из человеческого сердца благодарность достигла границы света и тьмы и пересекла её. – Спасибо Тебе за то, что у меня ничего нет. Спасибо за то, что у меня ничего не осталось. За то, что мне нечего больше терять. За

то, что всё отнял. Мне некуда идти и некуда возвращаться. Я никого не ищу, и меня никто не ждёт. Моё сердце нечем ранить. Больше со мной ничего не случится...

Слова его разорвали подкупольную тишину, которая знала, что только человек, потерявший всё, заходя в церковь, ничего не просит.

ЧЕЛОВЕК В ОКЕАНЕ

Знаешь, что мексиканцы говорят про океан? Что у него нет памяти.

Энди Дюфрейн

Довольно неуместно называть планету – Земля, когда очевидно, что она – Океан.

Артур Кларк

Старик сидел на берегу, подставив лицо суровому зимнему ветру, дувшему с океана. Ветер тербил выцветшую одежду и серые, как мраморный песок – соль с перцем, волосы и бороду старика. Рядом на мокром песке разлёгся, положив морду на вытянутые вперёд лапы, огромный беспородный пёс. Глаза его были открыты, и он с тоской по чему-то давно ушедшему смотрел на беспокойную воду, подкатывавшуюся прямо к его лапам и едва не касавшуюся их.

Солнце падало с неба за горизонт, и весь мир погружался в беспробудный мрак ночи. Но старику было не важно, день сейчас или ночь, светом наполняется мир или тьмой, – он был слеп.

Пёс поднял голову и зевнул. Посмотрел на хозяина снизу вверх.

– Что, не лежитя? – вздохнул старик. – Лежи, лежи, ещё посидим...

Он потрепал собаку по лбу. Пёс снова положил морду на лапы и стал наблюдать за океаном.

Океан словно ждал гостей, он поднимал свои воды, создавая неповторимый по силе и красоте перформанс. Скользя и сверкая, волны, стремительно догонявшие друг друга, набегали на шероховатый, согретый обманчивым субтропическим солнцем и ещё не успевший остыть после заката песок и, вздрогнув в последний раз у береговой черты, исчезали, поглощённые жадным, ненасытным, не способным напиться, холодным солёным океаном. Одна волна, точно разбуженная океаническим холодом, выскочила выше остальных, нарушив всеобщий ход, и, вздрогнув при входе на берег, качнулась, упала на песок и вдруг исчезла, уступив место следующей, такой же трагично-одиноким умирающей волне.

– Утром будет туман... – обращаясь к собаке и к пустоте, сказал старик. – Что скажешь, Капитан Риверо?³

Пёс повернул морду к хозяину и снова зевнул.

– Ну, ну, будет тебе... Сегодня не так уж и холодно... Чувствуешь, от воды идёт тепло? Океан любит нас...

Старик устремил свои пустые глаза вдаль. За горизонтом фиолетово-лиловыми всполохами догорала корона поглощаемого тьмой солнца.

– 38°46'51" северной широты, 9°29'54" западной долготы, высота над уровнем моря – 140 метров.⁴ Верно? Вот, и ты знаешь, что всё верно...

Казалось, старик бредит.

Но это было не так. Судьба не была столь великодушной, чтобы вместе со слепотой наградить его ещё и безумием.

³ Капитан Мануэль Риверо Пардаль (ум. в 1670 г.(?)) – испанский капер португальского происхождения, известный пират, убитый в Америке сэром Генри Морганом.

⁴ Координаты мыса Рока, расположенного на северо-западе Португалии. Мыс Рока – крайняя точка Евразийского континента. Он представляет собой скалу, возвышающуюся над Атлантическим океаном. Португальский поэт Луис Камознс сказал о мысе Рока: «Это место, где земля кончается и начинается море» (порт. Onde a terra se acaba e o mar começa).

Да, он не видел настоящего, но он помнил прошлое. Он помнил названия и координаты всех городов, всех селений, всех портов, больших и маленьких, древних и только недавно заложенных, гостеприимных и неприветливых, где когда-либо ему приходилось вставать на якорь; он помнил рифы и скалы, впадины и расщелины тех островов, к которым когда-либо причаливал; помнил одурманивающее тепло и равнодушный холод течений в лагунах, когда-либо встречавших его своими водами, а потом снова провожавших в океан; он помнил горячие огни внимательных маяков, смотрящих, словно боги, свысока на блуждающие в волнах и словно ищущие погибели корабли, спасательных маяков, бросающих обжигающий надеждой свет во все стороны бесконечного мира.

Его одинокая старческая жизнь перестала искать опору в том, что происходит сейчас, она была пунктиром нелинейного времени, прерывистой линией прошлого, в котором утопал старик. Он давно уже жил тем, что было когда-то давно, не помня, какой сейчас день, какой год. Летняя жара сменялась морозящими днями осени, а те в свою очередь – холодными завывающими ветрами зимы, а старик, невзирая на погоду, приходил на берег в сопровождении прибывшегося к нему пса, чтобы поговорить с океаном. Он садился на сломанное бурей, ветхое от влаги дерево и сидел так часами, не шевелясь, отдаваясь душой океану, бывшему для него столько лет и домом, и постелью, и мечтой, и трагедией, и разочарованием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.